

УДК 343.221

*Ю.С. Каравеева***УЧЕТ СТАТУСНО-РОЛЕВОГО ПОЛОЖЕНИЯ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ
В ЦЕЛЯХ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА (XIV–XVII вв.)**

Одной из функций института специального субъекта преступления является функция дифференциации уголовной ответственности, позволяющая на законодательном уровне отразить, как правило, повышенную степень общественной опасности преступлений со специальным субъектом и лиц, их совершивших. Рассматривая специальные признаки субъекта как его статусно-ролевые характеристики, автор обращается к анализу отечественного законодательства Московского периода на предмет выявления особенностей их учета при определении мер ответственности. Принимая во внимание, что большую часть преступлений со специальным субъектом составляли служебные преступления, автор приводит соотношение установленных видов наказаний за них и делает вывод о преобладании имущественных наказаний в Судебниках 1497 и 1550 гг., телесных наказаний и смертной казни – в Соборном Уложении 1649 г., что вполне соответствует продолжающейся тенденции централизации государства и усиления власти монарха.

Ключевые слова: специальный субъект преступления, статусно-ролевые признаки, дифференциация уголовной ответственности, имущественные наказания, телесные наказания, служебные преступления.

Признание специального субъекта преступления носителем социально-ролевых признаков, обозначенных в уголовно-правовых нормах или вытекающих из их толкования [1. С. 32], представляет собой альтернативную точку зрения позиции, сложившейся еще в советской науке уголовного права и разделяемой большинством современных ученых. Однако, несмотря на различное определение природы специальных признаков субъекта, мнения относительно его функционального уголовно-правового значения совпадают в обоих случаях. Исходя из анализа исследований, посвященных указанному вопросу, к функциям специального субъекта преступления следует отнести ограничительную функцию [2. С. 90; 3. С. 20-21; 4. С. 191,194; 5. С. 7; 6. С. 327]; функцию определения оснований уголовной ответственности или конструктивную функцию [7. С. 57,60; 8. С. 80-81; 9. С. 13; 10. С. 43]; идентификационную (информационную) и функцию установления и дифференциации уголовной ответственности [11. С. 103]. Именно последняя из обозначенных функций представляет особый исследовательский интерес, поскольку позволяет раскрыть зависимость между содержанием социально-ролевых характеристик субъекта преступления и законодательной оценкой общественной опасности и деятеля, и деяния, отраженной в санкции норм Особенной части уголовного закона.

Анализ уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за преступления со специальным субъектом, показывает, что за исключением ст. 106 УК РФ «Убийство матерью новорожденного ребенка» законодатель предусматривает более суровые меры ответственности по сравнению с деяниями, субъект которых не является специальным. Кроме того, посредством деления составов преступлений со специальным субъектом на простые, квалифицированные и особо квалифицированные производится дальнейшая дифференциация ответственности.

Важно, что сам по себе механизм дифференциации и его применение к преступлениям со специальным субъектом позволяет реализовать нравственную максиму, закрепленную в тексте Библии: «И от всякого, кому дано много, много и потребуется; и кому много вверено, с того больше и взыщут» [12]. Аналогичный тезис образует универсальное правило, которое, на наш взгляд, и составляет основу законодательной оценки опасности действий специального субъекта преступления: «Конкретная мера той ответственности, которую в каждом частном случае несет за свои поступки человек, зависит от конкретных условий – от тех реальных возможностей, которые ход жизни предоставил человеку для того, чтобы сознательно отнестись к последствиям своих поступков и самоопределиться по отношению к ним. В зависимости от этих условий с людей по-разному спрашивается за их поступки, и они по-разному несут ответственность за них» [13. С. 286].

Непреходящая актуальность обозначенных тезисов подтверждается тем фактом, что отечественное законодательство, начиная с древнерусских нормативных актов, демонстрирует использование их при определении мер ответственности за деяния со специальным субъектом. С целью выявления особенностей учета статусно-ролевых характеристик субъекта преступления в рамках дифферен-

циации уголовной ответственности мы обратимся к законодательству периода Московского государства. Нормы уголовного права данного периода представлено сосредоточены в таких крупных законодательных актах, как Судебники 1497 и 1550 гг. («Судебники Царя и Князя» [14. С. 184]), Соборное Уложение 1649 г.

Рассматриваемый исторический период является важнейшим для развития российской государственности. Современные авторы характеризуют его как время «возникновения самодержавия... складывания гармоничных, насколько это вообще возможно, взаимоотношений между государством и Церковью, формирования четкой социальной структуры, создания общего экономического пространства, присоединения новых территорий и усложнения национального и религиозного состава населения, превращения России в крупнейшую евразийскую державу. Но самое главное... был преодолен период удельной раздробленности русских земель и в результате объединительных устремлений образовалось единое Русское государство» [15. С. 3].

А.Ф. Бернер в своем исследовании рисует картину не общегосударственных свершений эпохи, а обстоятельств, раскрывающих всю ее тяжесть: «...Густая сеть кормленщиков и прочих правительственных чиновников покрыла все владения Московского государства. С одной стороны, кормленщики смотрели на вверенные им области как на подножный корм; с другой стороны, народ не мог, конечно, уважать такой институт чиновников, в основе которого лежало начало кормления и разорения жителей края., вся деятельность народа сосредотачивается (имеется в виду народная юстиция. – Ю.К.) в руках дьяков. Отсюда страшное взяточничество и лихоимство. Суд все более и более становится крив, а не прав» [14. С. 185].

Процессы централизации государства потребовали от московских князей твердой и жесткой политики, направленной и против «вольного» чиновничества, и против народа. Этим объясняется специфика законодательных актов, с одной стороны, запрещающих злоупотребления по службе под страхом сурового наказания, а с другой – стремящихся пресечь любые формы инакомыслия также посредством репрессий.

Расширив круг преступных деяний и специальных субъектов их совершения, Судебники 1497 и 1550 гг. отразили трансформацию отношения государственной власти к наказанию – она отказалась от идеи обогащения за счет денежных штрафов, но безоговорочно признала наказание эффективным инструментом собственного укрепления. Отсюда результаты в деле противодействия преступности ставились в зависимость от степени реализации карательного потенциала государственного принуждения: на первый план вышли устрашение и пресечение преступлений «через истребление лихих людей» и «исключение из службы и удаление от должности» [14. С. 188].

К другим целям наказания по-прежнему относились возмездие и имущественная выгода, которые совершенно подчинялись карательным соображениям [16. С. 416-417].

Наличие среди уголовно-правовых санкций абсолютно-определенных и абсолютно-неопределенных, а также кумулятивных санкций (т. е. предусматривающих наряду с основными еще и дополнительные виды наказаний) обосновывает утверждение о карательной сущности рассматриваемого института.

Изменение целей наказания повлекло появление новых его видов, к которым можно отнести наказание кнутом и торговую казнь – «наказание кнутом на торговой площади», заключение в тюрьму на неопределенный срок («кинути в тюрьму да сказати царю государю»), исключение из службы, удаление из должности. Наряду с ними активно применялись имущественные наказания (продажа, пеня) и смертная казнь. Кроме того, в случае, если правовая норма не устанавливала какого-либо наказания, определение его рода «было предоставлено практике, которая руководствовалась либо усмотрением судьи, либо обычным правом» [16. С. 414].

К специальным субъектам преступлений применялись все из перечисленных видов наказаний, кроме смертной казни (по крайней мере, согласно закону). Особое значение для нашего исследования имеет факт появления специальных видов наказаний в виде исключения из службы и удаления от должности. Исследователи отмечают, что указанные виды наказаний «выглядели в правосознании позорнее открытых репрессий» [17. С. 211]. На наш взгляд, сам факт их возникновения призван подчеркнуть значение государственной службы в глазах власти и общества, которая, согласно велению царя, не могла быть дискредитирована отдельными должностными лицами. Служить царю в анализируемый период и все последующие означало находиться в привилегированном положении, поэтому его утрата не только налагала «клеймо» позора на семью, но и влекла появление тягот материального характера.

Также следует принимать во внимание социально-политическую конъюнктуру, в рамках которой актуальными задачами выступали централизация власти и ее укрепление, построение многоуровневого управленческого аппарата, беспрекословно послушного высшей власти.

Кроме того, многие нормы за служебные преступления предусматривали наказание в виде торговой казни, исполнение которой было публичным.

Отличительной чертой института наказания по Судебникам 1497 и 1550 гг. стал принцип всеобщности [15. С. 126], предполагавший равный подход к применению мер наказания, в силу чего «цари совершенно равноправно пороли и тех, и других (бояр и простолюдинов. – *Ю.К.*) на своих конюшнях» [14. С. 189]. Вместе с тем за преступления по службе наказания дифференцировались в зависимости от служебного статуса виновного лица, а в отдельных случаях влекли назначение двойного наказания – непосредственно виновному и должностному лицу, ответственному за него. Различия в размерах наказания были характерны и для бесчестья – денежного взыскания за обиду, шедшего в пользу частного лица, уплачиваемого «смотря по доходу, по званию, должности и сословию обиженного» [14. С. 190].

Из норм Судебников 1497 и 1550 гг., предусматривавших ответственность за преступления со специальным субъектом следует, что совершение преступлений специальными субъектами различных видов могло повлечь следующее из наказаний: обязанность возмещения убытков с указанием на индексацию суммы возмещения; денежные штрафы – продажу, пеню, бесчестье; битье кнутом; торговую казнь; заключение в тюрьму, в том числе на неопределенный срок; исключение из службы; удаление из должности; смертную казнь.

Относительно всех видов наказаний, предусмотренных санкциями норм с составами деяний со специальным субъектом, отметим, что их процентное повидовое соотношение будет выглядеть следующим образом¹: наказания имущественного характера² – 70 %; телесные наказания – 30%; наказания, связанные с изоляцией от общества – 27%; особенные (служебные) наказания – 7%; другие, включая неопределенные наказания, – 3 % (рис. 1).

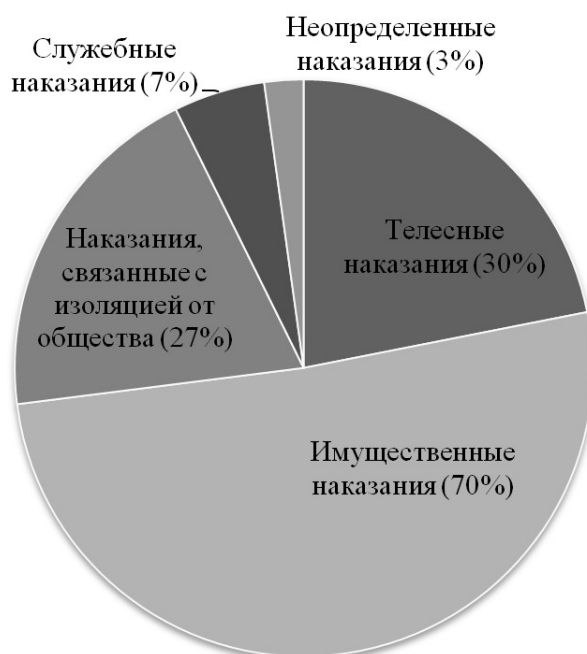

Рис. 1. Уголовные наказания за преступления со специальным субъектом по Судебникам 1497 и 1550 гг.

¹ Поскольку среди уголовно-правовых санкций за указанные виды преступлений имеются альтернативные и кумулятивные, то сумма показателей не может равняться 100 %.

² Имеются в виду денежные штрафы – продажа, пеня, бесчестье.

Таким образом, поскольку в большинстве случаев специальным субъектом преступления выступает должностное лицо, приоритет денежных наказаний за совершение преступлений можно объяснить привилегированным положением указанных субъектов. Тот факт, что почти две трети видов наказаний связаны с болезненными видами и изоляцией виновного, свидетельствует о повышенной общественной опасности совершаемых ими преступлений.

В основе назначения наказаний лежало начало равенства, которому совсем не противоречил принцип дифференциации тяжести наказания. Согласно мысли законодателя, реализацией равенства выступало применение всех видов наказания, включая телесные его виды и смертную казнь, независимо от социального статуса виновного.

Период Московского государства завершился принятием в 1649 г. Соборного Уложения. В целом данный закон продолжал линию уголовной политики, начатую Судебниками 1497 и 1550 гг., поскольку «главнейшим моментом» в преступлении являлся факт ослушания, сопротивления, неповиновения лица установленным требованиям» [18. С. 190-191]. В то же время предшествовавшие принятию этого закона социально-политические события потребовали ее ужесточения в силу острой необходимости легитимации власти монарха и его политики.

А.Ф. Бернер дал следующее описание обстановки принятия данного документа: «Время это (имеется в виду Смутное время конца XVI – начала XVII в. – Ю.К.) развратило сильно и бояр, и народ. Само значение власти начало колебаться. Еще более содействовал этому период междоусобицы. Народ московский стал нагл и дерзок. Он чувствовал, что в нем ищет опоры даже самый трон. Вот почему он являлся не заискивающим перед властью, а требующим от нее удовлетворения нахрапом, силой... Власть должна была показать народу, что она требует рабского повиновения...» [14. С. 196-198]. Об этом же говорил Н.С. Таганцев: «Уложение должно было водворить порядок на Руси, дать суд правый и равный, освободить народ от разорявших его судебных волокит и судейской неправды, установить единство права во всем государстве» [19. С. 144]. Как констатируют современные исследователи, «равные суд и расправа... заключались не в равенстве наказаний для всех..., а прежде всего, в равной обязанности всех Государевых подданных нести уголовную ответственность за преступные деяния» [19. С. 251].

Заинтересованность государства, прежде всего, в сохранении и укреплении самое себя выразилась в особом порядке расположения глав Уложения и адресности большого количества норм лицам, находящимся на государственной службе – чиновникам различного уровня и компетенции. Отсюда круг специальных субъектов преступления образован, по большей части, различными видами должностных лиц.

Анализ системы наказаний показывает, что новыми его видами стали членовредительские наказания, конфискация имущества – полностью или в части, лишение свободы и ссылка. Специальные виды наказаний пополнились за счет таких видов, как убавление оклада и отказ в правосудии. В целом исследователи отмечают уменьшение роли денежных наказаний и преобладание телесных, что напрямую связано с изменением целей наказания: возмездие несло в себе, прежде всего, элемент кары, и степень страдания преступника отражала степень восстановления справедливости. Кроме того, цель предупреждения преступлений достигалась как путем прямого истребления преступника, так и путем его изоляции и устрашающего характера наказаний. Этим объясняется публичность исполнения многих его видов.

Специфика рассматриваемого исторического периода заключалась также в том, что чиновничество скорее противостояло монарху, чем являлось его поддержкой и опорой. Это было связано с продолжающимися процессами централизации государства и в то же время ослаблением центральной власти в связи со Смутой. Поэтому в большинстве случаев за преступления по службе устанавливались телесные наказания и смертная казнь, а не специальные виды.

Анализ санкций показывает, что место абсолютно-определенных занимают абсолютно-неопределенные, в силу чего определение меры уголовного наказания становилось задачей правоприменителя. С одной стороны, это расширяло возможности индивидуального подхода к назначению наказания, а с другой – содержало определенную возможность для злоупотреблений судей.

Значительное количество санкций предусматривает не одно, а несколько видов наказания, подлежащих применению за единичное деяние. Бесспорно, это подтверждает доминирование карательного начала в институте наказания по Соборному Уложению.

Анализ норм Соборного Уложения 1649 г., устанавливавших ответственность за преступления со специальным субъектом, показывает, что совершение преступлений специальными субъектами различ-

ных видов могло повлечь следующее из наказаний: обязанность возмещения убытков с указанием на индексацию суммы возмещения; передачу в холопы прежнему владельцу; выдачу для отработки долга; возвращение на службу; денежные штрафы – продажу, пенью, бесчестье; конфискацию имущества полностью или в части; битье батогами; битье кнутом – нещадное, «по торгом» и «на козле»; торговую казнь; отсечение руки; заключение в тюрьму, в том числе на неопределенный срок; исключение из службы; удаление из должности; уменьшение оклада; смертную казнь; царскую опалу.

Относительно всех видов наказаний, предусмотренных санкциями норм с составами деяний со специальным субъектом, следует отметить, что их процентное повидовое соотношение будет выглядеть следующим образом¹: телесные и членовредительские наказания – 63 %; наказания имущественного характера – 60%; другие (неопределенные) – 28%; смертная казнь – 18%; особенные (служебные) наказания – 13%; наказания, связанные с изоляцией от общества, – 12 % (рис. 2).

Рис. 2. Уголовные наказания за преступления со специальным субъектом по Соборному Уложению 1645 г.

Приведенные данные свидетельствуют о двойственном уголовно-правовом положении должностных лиц, составляющих основную часть видов специальных субъектов преступления: с одной стороны, его привилегированность проявляется в назначении денежных наказаний, с другой – их безусловное подчинение монарху обеспечивается посредством болезненных наказаний.

Отсюда следует, что должностное положение виновного не влияло на саму возможность привлечения к уголовной ответственности, но в определенной степени воздействовало на выбор вида наказания. Последний предопределялся местом объекта посягательства в представлении монарха об иерархии системы ценностей, поэтому должностные преступления вызывали потребность покарать виновного как ослушника царского приказа.

Таким образом, для законодательства Московского периода развития Российского государства в части дифференциации мер уголовной ответственности за преступления со специальным субъектом характерна общая особенность: продолжающиеся процессы централизации высшей власти требовали строгой оценки, прежде всего, противоправного поведения чиновников, деяния которых рассматривались как неисполнение воли монарха. В связи с этим, несмотря на наличие в законодательстве специальных служебных наказаний, в большинстве случаев устанавливались телесные наказания и смертная казнь, что особенно ярко проявилось в нормах Соборного Уложения 1649 г.

¹ Поскольку среди уголовно-правовых санкций за указанные виды преступлений имеются альтернативные и кумулятивные, то сумма показателей не может равняться 100 %.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Караева Ю.С. Специальный субъект преступления: криминологическо-правовой подход: монография. Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2018. 194 с.
2. Дагель П.С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. Владивосток, 1970. 132 с.
3. Устименко В.В. Специальный субъект преступления: понятие, виды, некоторые вопросы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1983. 172 с.
4. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. 364 с.
5. Голубев В. Специальный субъект преступления // Советское государство и право. 1984. № 12. С. 7-8.
6. Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность: дис. ... докт. юрид. наук. Л., 1968. 450 с.
7. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2001. 304 с.
8. Семенов С.А. Специальный субъект преступления в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 209 с.
9. Волженкин Б.В. Некоторые проблемы соучастия в преступлениях, совершаемых специальными субъектами // Уголовное право. 2000. № 1. С. 12-16.
10. Макарова Т.Г. Уголовно-правовая характеристика соучастия в преступлении со специальным субъектом. СПб., 2002. 131 с.
11. Бачурин Э.А. Специальный субъект преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2005. 228 с.
12. Лк, 12:48.
13. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957. 288 с.
14. Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная: в 2 т. СПб., 1865. Т. 1: Часть Общая. 940 с.
15. Рожнов А.А. История уголовного права Московского государства (XIV–XVII вв.): монография. М., 2012. 512 с.
16. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. 800 с.
17. Волколупова В.А. Исторический опыт правовой регламентации понятия должностного лица и его ответственности в российском уголовном законодательстве // Законность и правопорядок в современном обществе. Новосибирск, 2011. С. 209-218.
18. Чебышев-Дмитриев А.О. О преступном действии по русскому, допетровскому праву. Казань, 1862. 246 с.
19. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая. Тула, 2001. 800 с.

Поступила в редакцию 12.05.2018

Караева Юлия Станиславовна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры правовых дисциплин и методики преподавания права
ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ)
614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24
E-mail: chimtarga2016@mail.ru

Yu.S. Karavaeva

ACCOUNTING THE STATUS-ROLE POSITION OF THE PERPETRATOR FOR THE PURPOSE OF DIFFERENTIATION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY ACCORDING TO THE LEGISLATION OF THE MOSCOW STATE (XIV–XVII CENTURIES)

One of the functions of the Institute of a special subject of crime is the function of differentiation of criminal responsibility, which allows at the legislative level to reflect, as a rule, an increased degree of public danger of crimes with a special subject and persons who committed them. Considering the special features of the subject as his/her status-role characteristics, the author turns to the analysis of the domestic legislation of the Moscow period in order to identify the peculiarities of their account in determining the measures of responsibility. Taking into account the fact that most of the crimes with a special subject were official crimes, the author cites the ratio of the established types of punishments for them and concludes the prevalence of property punishments in the Courts of 1497 and 1550, and corporal punishment and the death penalty – in the Cathedral code of 1649, which is quite consistent with the continuing trend of centralization of the state and the monarch's power.

Keywords: special subject of crime, status-role features, differentiation of criminal responsibility, property punishments, corporal punishment, official crimes.

Received 12.05.2018

Karavaeva Yu.S., Candidate of Law, Senior lecturer at Department of legal disciplines and methods of teaching law
Perm State Humanitarian Pedagogical University (PSPU)
Sibirskaya st., 24, Perm, Russia, 614990
E-mail: chimtarga2016@mail.ru